

А.А. Ржевуский

Терцы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 355/359
ББК 68
А11

А11 **А.А. Ржевуский**
Терцы / А.А. Ржевуский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 298 с.

ISBN 978-5-458-16719-2

Сборник исторических, бытовых и географическо-статистических сведений о Терском казачьем войске.

ISBN 978-5-458-16719-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

ПОНЕРЫ РУССКАГО ВЛАДЫЧЕСТВА НА КАВКАЗѢ.

Терскіе казаки справедливо гордятся своею трехвѣковою оспѣлою жизнью на КавказѢ. Изъ рода въ родъ передають они боевыя историческія воспоминанія о подвигахъ предковъ. Въ веселой бесѣдѣ, «за чепуркой родительскаго,» ведутъ они свои повѣствованія, въ назиданіе молодому поколѣнію. Разсказы о томъ, какъ бились Терцы-Линейцы съ вражескими полчищами въ городкахъ Гребенскихъ и Семейныхъ и какъ били челомъ Грозному о свинцѣ и порохѣ, весьма интересны и назидательны. Походъ съ Петромъ Великимъ въ Дербентъ и, въ особенности, походъ, по волѣ Петра, съ Княземъ Бековичемъ-Черкасскимъ въ Хиву, гдѣ погибли всѣ 500 отборныхъ Гребенскихъ казаковъ, не перестаютъ жить и до сихъ поръ въ устахъ Гребенскихъ казаковъ—и вообще у жителей низовьевъ Терека.

Но то было время давно уже пережитое предками и еще недостаточно подробно освѣщенное историческими изслѣдованіями, тогда какъ болѣе живой интересъ въ разсказахъ Терскихъ казаковъ относится къ ближайшему къ намъ времени, пережитому еще въ живыхъ находящимися свидѣтелями. Періодъ второй половины прошлаго и первой настоящаго столѣтія переполненъ цѣлымъ рядомъ воспоминаній, при которыхъ еще и теперь трепещетъ ретивое—либо отъ радости боевыхъ успѣховъ, либо отъ пережитаго ужаса кровавыхъ событій. Не станемъ повторять деталей разсказовъ изъ прош-

лаго вѣка, когда, только что поселенные по Тереку, рядомъ съ Гребенскими казаками, станицы Моздокскаго полка подверглись нападенію крымскаго предводителя Калги, при участіи кабардинцевъ; строевые казаки были тогда въ отсутствіи, въ походѣ, а слабые остатки стариковъ и молодыхъ казачатъ побросали станицы и, собравшись вмѣстѣ, стали отстаивать свой, только что основанный, станъ Науръ, при помощи женщинъ, переодѣвшихся въ мужское платье. Не одному кабардинцу и крымскому татарину пришлось получить отъ Наурской казачки вспрыскиваніе по ушамъ выпящей смолою, или водою. Наурскія казачки и теперь еще гордятся своими героинями-прабабками, вспоминая ихъ и добрымъ словомъ и въ молитвахъ о успокоеніи ихъ душъ.

Но наиболѣе памятные и живые рассказы относятся, однако-же, къ первой половинѣ настоящаго столѣтія.

Не утихла еще борьба съ озлобленными кабардинцами за обладаніе землями по Малгу, какъ въ 20-хъ годахъ, въ Ермоловскія времена, закипѣла борьба съ чеченцами, превозгласившими въ горахъ священную войну (Казавать). Въ это время напряженіе силъ Терскихъ казаковъ достигло своего апогея. Трудно, хотя бы и вкратцѣ, перечислить всѣ требованія, предъявлявшіяся линейнымъ казакамъ—воинамъ и гражданамъ, піонерамъ владычества русскихъ на Кавказѣ. Линейные казаки поголовно отправляли двадцатипятилѣтнюю строевую службу; въ то же время неспособные къ строевой службѣ отбывали внутреннюю, вмѣстѣ съ семнадцатилѣтними малолѣтками и 55—60 лѣтними отставными стариками. На этомъ разрядѣ людей, за выходомъ въ походъ строевыхъ казаковъ, лежала нерѣдко обязанность защищать станицы отъ нападеній горцевъ. На нихъ же возлагались: усиленная поставка подводъ для перевозки тяжестей проходившихъ войскъ, печеніе для нихъ хлѣба, сушка сухарей, поставка натурою дровъ, равно какъ и квартирная повинность. Кромѣ того, всѣ поселенные по Тереку полки имѣли, въ то время, свою пол-

ковую артиллерію, не для одной только обороны своихъ станицъ, но и для полевой службы съ строевыми частями. Эта артиллерія продовольствовалась средствами внутреннеслужащихъ казаковъ, доставлявшихъ натурою и сѣно и зерновой фуражъ.

На ряду съ столь тяжелыми условіями осѣдлой жизни, на долю казаковъ выпадало отражать безпрестанные набѣги горцевъ. Къ мелкимъ, ежедневнымъ, хищничествамъ казаки относились какъ къ злу уже роковому, неизбѣжному и, въ свою очередь, оплачивали горцамъ тою же монетою. Казачьи земли довольно сочно пропитаны кровью отважныхъ наѣздниковъ, стремившихся жить чужимъ трудомъ. Но несравненно болѣе важное значеніе представляютъ тѣ эпизоды, когда казачьи поселенія разорялись и зачастую разорялись въ корнѣ, вслѣдствіе нашествія горцевъ громадными скопищами, что бывало въ особенности тогда, когда строевые казаки находились въ походахъ. Въ такихъ случаяхъ, казаки нерѣдко платились и жизнью и разореніемъ дѣльных станицъ, такъ напримѣръ, Солдатская выжжена кабардинцами, причемъ множество плѣнныхъ и весь житейскій свѣтъ сдѣлались ихъ добычей.

Частые и столь-же рѣшительные набѣги, въ особенности, стали предприниматься Чеченцами въ 20-хъ и 40-хъ годахъ настоящаго столѣтія. Моздокъ и Кизляръ на Терекѣ и, по очереди, почти всѣ станицы всей Кавказской линіи испытывали, хотя въ менѣе раззорительномъ видѣ, силу нашествій Кавказскихъ горцевъ.

Базалось-бы, что ударъ за ударомъ, особенно въ сороковыхъ годахъ, во время властвованія въ горахъ Шамиля, должны были поколебать въ казакахъ желаніе остаться на занятыхъ ими мѣстахъ и ослабить вѣру въ ихъ колонизаторской устойчивости, но, чѣмъ рѣшительнѣе были напоры горцевъ, тѣмъ тверже укрѣплялись на своихъ мѣстахъ казаки, до тѣхъ поръ, пока на всемъ Сѣверномъ Кавказѣ не

замкнули своими станицами все пространство отъ моря до моря и—не разставили своихъ поселеній на всѣхъ проходахъ и выходахъ изъ горъ.

Если, при этой отчаянной борьбѣ на жизнь и смерть, казаки часто лишались и своихъ стадъ, а не рѣдко и родныхъ семействъ, то и сами они, въ свою очередь, не оставляли въ покоѣ горцевъ. Набѣги казачьи то и дѣло сокрушали жилища враговъ и нерѣдко, вмѣстѣ съ истребленіемъ людей, одинъ и тотъ же скотъ переходилъ изъ рукъ казаковъ въ руки горцевъ и обратно, по нѣскольکو разъ.

Вотъ какими самобытными усиліями, благодаря несокрушимой живучести, линейные казаки, долгіе годы проливавшіе и свою и вражью кровь, добыли себѣ теперешнее обладаніе землями, ставшими ихъ исконнымъ достояніемъ. Теперь сдвинуть ихъ отсюда можетъ только воля Божія и никакая другая сила, ни какая вражья рука, какими бы средствами она не обладала—такъ твердо, такъ безповоротнo-прочно, осѣло здѣсь Кавказское казачество, сдѣлавшееся при томъ извѣстнымъ цѣлому міру своимъ вѣковымъ бытіемъ въ видѣ военно-сословныхъ общинъ.

Отъ борьбы на мѣстахъ своихъ становищъ перейдемъ къ внѣшней борьбѣ, закипѣвшей съ особенной силой со времени Ермолова. Ермоловъ повелъ дѣятельную борьбу въ нѣдрахъ возставшей Чечни и при этомъ снова явились ему на помощь линейные казаки. Ермоловъ, участникъ великихъ Наполеоновскихъ войнъ, описывая атаку линейцевъ въ Ханкальскомъ ущельи на атакующихъ нашу пѣхоту горцевъ, говоритъ въ своихъ запискахъ слѣдующее: «рѣдко видятъ сіе кавалеристы, хотя нерѣдко и говорятъ о шокѣ. Обѣ стороны дрались съ одинаковою храбростію.—Но вотъ чеченцы, мало по малу, стали подаваться назадъ и дали тылъ. Линейцы наслѣли на бѣгущихъ.... »

Про другое дѣло Ермоловъ говоритъ: «покончивъ работу, я отошелъ назадъ, а вся конница, подъ начальствомъ

Петрова, (командира Моздокскаго казачьяго полка) отправлена была опять къ развалинамъ Урусъ-Мартана. Казаки за-
стали здѣсь значительныя силы и 27 Апрѣля выдержали
жаркое дѣло; при отступленіи чеченцы нѣсколько разъ
преграждали имъ путь, но ничто не могло превзойти храб-
рости казаковъ Моздокскаго полка и Семейнаго войска. Они
то спѣшивались, то дрались на коняхъ, смѣло бросаясь въ
шашки и повсюду сбивали горцевъ. При просѣвѣ Шалин-
ской поляны чеченцы дрались упорно. Когда при сильной
перестрѣлкѣ лѣсъ былъ пройденъ, чеченцы бросились въ
шашки на егерскую роту, но, къ счастью, подоспѣли на по-
мощь линейцы, и часть казаковъ, спѣшившись, дрались на-
равнѣ съ пѣхотой.....»

Утомленіе не свойственно казакамъ, оно не въ ихъ на-
турѣ и, едва окончилась битва, въ которой казаки, по сло-
вамъ самаго Ермолова, принимали дѣятельное участіе и, толь-
ко что казаки возвратились по домамъ, какъ, узнавъ, что на
линіи, въ ихъ отсутствіе, происходили набѣги горцевъ, сочли
необходимымъ отплатить имъ тою же монетою. Послѣ ро-
спуска 18 Мая отряда, войска возвратились въ Грозную
и военныя дѣйствія затихли, но 500 Гребенскихъ и Моздок-
скихъ казаковъ скрытно собрались въ Наурѣ, послѣ чего,
переправившись черезъ Терекъ, подъ начальствомъ своихъ
командировъ Петрова и Ефимовича, сдѣлали весьма удачный
набѣгъ за Сунжу къ Даутъ-Мартану и вернулись оттуда съ
добычей. Этимъ набѣгомъ закончились дѣйствія въ Чечнѣ
при Ермоловѣ, для того, чтобы съ новою силою и энергіею
разразиться при развитіи и процвѣтаніи Казавата

Въ приказѣ отданномъ послѣ усмиренія мятежа чечен-
цевъ, Ермоловъ отнесся съ благодарностью и полной спра-
ведливостью ко всѣмъ, принимавшимъ участіе въ военныхъ
дѣйствіяхъ, войскамъ, но особенное уваженіе его въ этихъ
походахъ пріобрѣли линейные казаки, о которыхъ онъ, преж-
де, не зная ихъ, отзывался съ такою рѣзкостью. Объясненіе

причинъ перемѣны взглядовъ Ермолова на линейныхъ казаковъ слѣдуетъ искать въ его собственныхъ нижеслѣдующихъ словахъ: «прежде видалъ я ихъ небольшими частями и не такъ близко, но теперь могу судить о храбрости ихъ и о ихъ предприимчивости»; въ заключеніе онъ говоритъ: *«конечно изъ всехъ многообразныхъ казаковъ въ Россіи нѣтъ имъ подобныхъ»*. «Я не видалъ,» говоритъ Ермоловъ въ другомъ мѣстѣ, «ни одного казака, стрѣляющаго попусту, ни одного ѣдущаго подъ сильнымъ огнемъ непріятеля иначе какъ малымъ шагомъ. Смѣю думать, что это не самое легкое и въ регулярной конницѣ».

Этими эпизодами конечно не исчерпываются подвиги линейцевъ за предѣлами войска; они тамъ жили и служили больше чѣмъ на своихъ ливіяхъ. Но мнѣніе Ермолова о казакахъ и его отзывъ о нихъ приведены потому, что Ермоловъ единственный изъ военнопонимателей, который, по прибытіи на Кавказъ, до походовъ, относился къ линейнымъ казакамъ, какъ говорили преданія, не безъ предубѣжденія. Только боевыя отличія въ походѣ и стойкость казаковъ на Терской линіи повернули его мнѣніе въ сторону линейцевъ, да притомъ еще безъ сравненія съ другими казаками Россіи. Насколько, значитъ, самое прозорливое начальство должно быть осторожно при оцѣнкѣ достоинства войскъ пока ихъ не увидитъ лично въ дѣлѣ съ непріателемъ.

Послѣдующее за Ермоловымъ начальство уже смѣло полагалось на линейцевъ и съ увѣренностью водило ихъ на самые отчаянные подвиги, на борьбу съ горцами, персіянами, турками, венгерцами и обитателями среднеазиатскихъ степей,—при чемъ повсюду вражескій ростъ становился короче на цѣлую голову когда роковой ударъ казачьей шапки былъ опускаемъ надъ плечомъ противника.

И. Сафоновъ.

ОЧЕРКЪ ТРЕХЪТЪКОВОЙ ЖИЗНИ ТЕРСКИХЪ КАЗАКОВЪ. (*)

Вы теперь близко увидите, какъ живетъ и умираетъ кавказскій воинъ, съ какимъ смиреннымъ самоотверженіемъ совершаетъ онъ свой подвигъ, и сколько неизвѣстныхъ исторіи героевъ молча легло для защиты знамени и долга.

(Изъ рѣчи гр. Соллогуба, привѣтствовавшего назначеніе на Кавказъ Е. И. В. Великаго Князя Михаила Николаевича въ 1863 году.)

Терское казачье войско, долговременными трудами и жертвами, подготовило образованіе нынѣшней Терской области и, въ настоящее время, составляетъ основу ея русскаго населенія. Населеніе Терскаго войска, издревле обязанное воинской повинностью, выставляетъ на службу въ обыкновенное время: два гвардейскихъ эскадрона Собственнаго Е. И. В. конвоя, двѣ конно-артиллерійскія батареи и четыре конныхъ полка. Полки имѣютъ тройной личный составъ, такъ что въ военное время каждый полковой округъ, вмѣсто одного, выставляетъ на боевую службу три, а всѣ четыре округа—двѣнадцать полковъ. Полкамъ принадлежатъ имена: Кизляро-Гребенской, Горско-Моздокскій, Волгскій и Сунженско-Владикавказскій. Кизляро-Гребенской именуется полкомъ великаго герцога Фридриха Мекленбургъ-Шверинскаго. Съ каждымъ изъ полковыхъ иманъ соединяется своя исторія, болѣе или менѣе давняя, исторія русской колонизаціи и водворенія русскаго владычества на Кавказскомъ перешейкѣ, начиная съ той части его, гдѣ выдающимся географическимъ терминомъ является рѣка Терекъ.

Знакомство русскихъ людей съ Теркомъ началось еще

(*) «Терскіе Казаки съ стародавнихъ временъ». Соч. Ивана Попко.

въ XIV вѣкѣ: Первые проникали сюда съ Волги, варяжскимъ обычаемъ, новгородскіе повольники или ушгуйники, то есть охотники за сѣвернымъ медвѣдемъ—ушкуемъ и плователи въ ладьяхъ, называвшихся тѣмъ же именемъ. Своевольство новгородцевъ, говорить Карамзинъ, возбуждало негодованіе великаго князя Дмитрія Іоанновича: многіе изъ нихъ составляли цѣлыя полки и ѣздили на добычу въ мѣста отдаленныя, между прочимъ и внизъ по Волгѣ, украшая разбои именемъ молодечества*). За новгородскими повольниками пускались въ тоже молодечество по Дону и Волгѣ и рязанскіе казаки, населявшіе придонскую волость Червленный-Яръ, гдѣ служили они украинной стражей Рязанскому княжеству. Великій князь Московскій Іоаннъ III гнѣвался на молодечество рязанскихъ казаковъ и грозилъ имъ наказаніемъ. Въ 1520 годахъ послѣдовало присоединеніе Рязанскаго княжества къ московской державѣ. По обычаю собиранія земли русской, менѣе стоворчибымъ жителямъ княжества предстояло принудительное выселеніе въ предѣлы суздальскіе. Скорѣе другихъ ожидали этой участи казаки Червленнаго-Яра, а особенно тѣ изъ нихъ, которые чаще водились съ ушгуйниками и имѣли больше причинъ страшиться немилости московской власти. Во второй четверти XVI вѣка казаки эти, подбитые коноводами ушгуйниками, поднялись большою станицей (отрядомъ), посадились въ струги съ семьями и животами и выплыли весеннимъ половодьемъ въ Донъ, откуда по Камышенгѣ, перевозились на Волгу и пустились не незнакомымъ, конечно, путемъ къ недостигаемому никакой московской погоней убѣжищу—устьямъ Терека. Въ этомъ глухомъ углу восточнаго Кавказа существовало полуторговое, полуразбойничье, мѣстечко Теменъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что удалая станица Червленнаго-Яра направлялась къ этому притону, но никакое преданіе не объясняетъ, по какимъ обстоятельствамъ она тамъ не осѣла, а двинулась вверхъ по Тереку къ пятигорскимъ черкасамъ (ка-

*) Ист. Гоеуд. Росс. Карамзина. Изд. пятое, 1842 г. Кн. II, т. V.